

Арина

Шевелёва

ВЗГЛЯД РЕБЁНКА И РУКА МАСТЕРА

За годы работы «Простор» познакомил читателей с разнообразными авторами, многие из которых, будучи когда-то неопытными, пробуящими свои силы, стали видными мастерами писательского дела. Так, тридцать лет назад на страницах журнала впервые появились произведения Николая Верёвочкина («Жертвенный осёл», «Феникс из первого снега», «Викинг в стране Рогатой матери-оленихи», подборка стихотворений «Я обитаю в облаках» и другие). Сейчас талант писателя признан литературными критиками: Верёвочкин – финалист литературной премии «Ясная Поляна», лауреат конкурсов фонда «Сорос-Казахстан» в номинациях «Современная пьеса» («Ковчег-транзит, или Время строить лодку») и «Современный роман» («Зуб мамонта»). В 2006 году Николай Николаевич стал лауреатом «Русской премии», присуждаемой за лучшее произведение литературы, написанное на русском языке писателями Закавказья, Средней Азии и Казахстана. На примере повести «Человек без имени», за которую писателю и присудили «Русскую премию», мы рассмотрим особенности его авторского стиля.

Вероятно, на творчество Николая Николаевича повлияла его журналистская карьера: в литературных произведениях писатель не только изображает нравственные пороки общества, социальные проблемы, но и как настоящий публицист делает слепок времени, в котором живёт. Так, действия повести «Человек без имени» разворачиваются в годы перестройки, о чём автор напоминает на протяжении всего повествования: главный герой повести, бездомный мужчина, нашёл пристанище в «одичавшем после перестройки парке», а людям, с которыми его сведёт судьба, доводилось совершать низкие поступки, чтобы не остаться без средств к существованию. Примером может служить эпизод в больнице:

« – Нет у нас свободных коек, – развел руками худой хирург с впалыми глазами и дернул щекой. – И гипса нет. И марли нет. И шприцев нет.
 – А что у вас есть? – весело возмутился Удищев.
 – Ничего у нас нет. Кроме профессионального долга, конечно.
 – Хорошее дело! – удивился Удищев. – Доперестраивались!»

Интересную картину рисует автор: в стране, не знающей, каким будет её будущее, сосредоточенной прежде всего на материальных благах, пытается устроить свою жизнь человек, не помнящий своего прошлого. У бездомного нет денег, но духовно он богаче любого из тех, кто ежедневно с брезгливостью отворачивается от него. Не известные художники, не журналисты вызывают интерес автора, а именно этот бездомный. Что же в нем такого?

«Это был один из тех жалких, затравленных созданий, что живыми при-видениями бродят по большим городам, собирая по урнам и канавам пустые бутылки и конкурируя у мусорных баков с бездомными кошками» – так начинается знакомство читателя с повестью и главным её героем. Автор описывает тяжёлую зимовку бездомного на дне заброшенного канализационного колодца, его попытки прокормиться местными голубями, его одежду, представляющую собой засаленные лохмотья – с первых страниц произведение наполняется антиэстетизмом. Усиливает впечатление сниженная лексика: «помойка», «бомж», «жрать» – воображению легко представляются условия, в которых вынужден жить главный герой.

Несмотря на тяжесть положения, бездомный ещё способен размышлять о вечном, о «сиротской доле планеты» и своём месте на этой планете, о главном для него – своём прошлом: «Он был человеком не только без определенного места жительства, но и без имени. Время от времени бомж пытался вспомнить, откуда он, но всякий раз память, словно в бетонную плотину, утыкалась в день, когда раскатами первого грома над ним грянул духовой оркестр». Кажется, что героя мучает не столько его бедственное положение, отсутствие крыши над головой, сколько отсутствие представления о собственной личности. Дом для него – не просто место на карте, но сама суть его прошлого, то, чем когда-то была его жизнь. Именно желание вспомнить эту жизнь и вновь обрести себя является для бродяги стимулом к действию на протяжении всего повествования. Прошлое его при этом до конца повести остается загадкой для читателей.

Совершенно противоположно герою общество, в котором тот вынужден существовать. Зацикленные на собственных проблемах, в вечной гонке за живой, не стесняющиеся самых подлых поступков, окружающие равнодушны к судьбе бездомного. Всё это можно было бы объяснить голодными девяностыми, перестройкой, однако даже довольно обеспеченные люди, к тому же люди искусства, не проявляют милосердия к мужчине. К примеру, художник, заработавший имя и состояние довольно сомнительным способом, сбивает бездомного на машине и волнуется только о целостности своего транспорта. Он согласился доставить пострадавшего в больницу, лишь поддавшись уговорам жены. Этот эпизод представляет читателю нового персонажа повести – бездарного художника Мирофана Удищева, чьё имя намекает читателю на главный талант мужчины: он мастерски «удит деньги» отовсюду, разыскивая богатых покупателей для своих картин.

Имена персонажей полностью отражают их внутренний мир: мечущаяся между наиболее выгодными предложениями журналистка Шамара Кукуева и газета «Дребзедень» с её подпорченной репутацией, цвет общества, интеллигенты Дусторханов, Дрындопопуло и Полуоборот – вот жители Ненуженска. Примечательно, что при этом нет имени у главного героя повести. Возможно, таким образом автор хотел защитить своего героя от предвзятого читательского мнения: если внешний вид, социальный статус «человека без имени» уже накладывают на него определённые ограничения, вызывают отвращение и пренебрежение у ненуженцев, то отсутствие имени можно приравнять к отсутствию дополнительной рамки, в которую он мог быть загнан. Личностные качества всех героев, казалось бы, отражены в их именах, но не бездомного. Он не помнит своего прошлого, не знает, что представляет собой как личность, из всех героев повести только у него,

пожалуй, на протяжении большей части повествования нет хоть сколько-нибудь выраженных черт характера. Бездомный ещё может обрести себя, он ещё не закован в цепи собственной бездуховности, как окружающие его люди, в именах которых мы уже видим следы нравственного упадка.

Читать о подобном обществе было бы тяжелее, если бы не авторский юмор, пронизывающий всё произведение, каждую его страницу, связывающий всё воедино. Это сравнимо с творчеством Ильфа и Петрова. Ироническая атмосфера создаваемая вокруг героев произведения, осмеяние автором пошлости, грубости современного мира, социальная сатира – можно предположить, что Николай Верёвочкин перенял перечисленное выше у своих именитых предшественников. Эту мысль подтверждает сам автор, дважды упоминая в повести «Великого Комбинатора»:

«Эту папку, следуя заветам Великого Комбинатора, он надеялся со временем обменять у Дусторханова на свою долю прибылей коммерческого центра».

« – Человек – Великий мастурбатор, – сказал он с томной иронией изнуренного долгими размышлениями ученого. – Под мастурбацией, в отличие от известного сюрреалиста, я имею в виду любое искусственно вызванное наслаждение: вино, сигареты, наркотики, виртуальную реальность, все виды развлечения и искусства».

С горечью автор иронизирует над мелочными ненуженцами, поглощёнными своими заботами, забывшими о нравственности. Впрочем, довольно затруднительно говорить о ней, когда даже служители церкви пекутся лишь о хлебе насущном. Вот какую картину наблюдал бездомный в одно из своих утренних пробуждений: «К служебным воротам храма, нежно шурша шинами, подкатил черный мерседес. Из иномарки с трудом выкарабкался дородный батюшка в черном, с челом, полным скорби и заботы. Оглядевшись, проверил, включено ли противоугонное устройство, и взошел на крыльцо». За роспись вот этого-то храма разгорелась нешуточная борьба между художниками, победу в которой одержал самый пронырливый, предприимчивый и беспринципный – Удищев:

« – Не понимаю владыку. Уж он-то должен разбираться в человеческих душах? – в глубоком недоумении развел руками Дзе. – Ты же безбожник, Уда. Ты же перекреститься правильно не можешь. Тебе и в туалете гвоздиком царапать – святотатство, а тут – храм...

– Ошибаешься. И крещен, и исповедован третьего дня...

– И аванс получил, – закончил за Удищева Дрындопопуло. – За такие деньги ты не только окрестишься, но и душу продашь».

Проблема художника, творческого человека как такового красной нитью проходит через всю повесть. Люди вроде Удищева купаются в славе и деньгах, процветают, штампуя портреты местной элиты, а настоящий талант, которым обладает бездомный, не может раскрыться, не может в полной мере дарить миру прекрасное. Удищев, под натиском жены привёзший сбитого им бездомного в свои апартаменты, застаёт того в мастерской. Бездомный самозабвенно водил кистью по холсту, создав нечто прекрасное: на полотне появилась тройная радуга. Одной лишней линией, небрежным мазком можно было испортить совершенную картину. Поняв это, Удищев решил поселить бездомного у себя, чтобы выдавать написанные им картины за своё творчество. Запертый в камерке, лишённый воз-

возможности общаться с людьми, находясь в рабском положении, бездомный всё же чувствовал себя лучше, чем когда-либо в своей жизни, ведь всё, что ему теперь было нужно – это холст и краски. С этого момента он становится «безымянным художником»: автор иначе называет своего героя, когда тот внутренне меняется, становится на шаг ближе к пониманию, кем он был в прошлой жизни. Меняется и эмотивное пространство повести: если раньше у бездомного «не было ни мыслей, ни желаний. Только тоска и нечто мимолетное, смутное, как пар от дыхания» то теперь, «загипнотизированный чистотой холста», он испытывал небывалое наслаждение, «глаза его горели неземным наслаждением».

«Бомж жил сразу тремя жизнями.

Той самой скучноватой, обременительной жизнью тела с редкими и уютными удовольствиями, которую большинство считает единственной и настоящей.

Вторая жизнь протекала параллельно первой. Это была восторженная, изнурительная, обреченная на вечное начало и неудачу жизнь создателя новых миров. Днями стоял он у мольберта на гудящих ногах, перенося на холст то, что виделось ему долгими холодными ночами на дне канализационного колодца... Он не в силах был сопротивляться – его срывало и несло.

А когда, истощенный и разочарованный очередной неудавшейся попыткой построить из мертвых красок живой, звучащий мир, он забывался, почти умирал, к нему возвращалась главная жизнь. Это была жизнь без тела, без оков. Она не требовала никаких усилий. Нужно было лишь переживать грустное, щемящее счастье.

Невозможность соединить разорванную на три части жизнь в одну рождала пугающую тоску».

Высокие стремления «безымянного художника», буквально потерявшего сознание от переизбытка чувств, нахлынувших на него при создании одной из картин, не вызывают никакого отклика в сердце Удищева и его знакомых. Бездуховность, мелочность, пошлость, царящие в творческих кругах, потрясают. Кажется, будто в жизни художников, которые должны особенно чутко относиться к миру, нет места ни красоте, ни искренним чувствам – ничему живому и настоящему. Недаром автор часто сравнивает ненуженцев с вещами. **«На расстоянии вытянутой руки от щели в туфлях на невысимо тонких и высоких каблуках томились породистые ноги... Каблуки выглядели настолько хрупкими, что казалось, будто полные женственно-мощные ноги парят над землей. Вокруг ... ног кружились в обожании светлые брюки и соперничающие с ними джинсы... Все без исключения ноги были приятные, праздничные. Лишь однажды смутили не помнящего себя человека начищенные до блеска сапоги казенного вида...»** (синекдоха была у Гоголя и у Салтыкова-Щедрина). Никто из этих «туфель», «высоких каблуков» и «светлых брюк» не задумывался над собственной жизнью так глубоко, как бездомный художник в лохмотьях, никто так отчаянно не пытался понять своего предназначения, никто не осознавал, в чём смысл бытия художника, а самое главное – никто не хотел признавать собственную творческую несостоятельность. Примечательна в этом смысле беседа художников в бане, в ходе которой один из них говорит о сущности деятельности художника и творческого человека в целом: **«Быть художником – в этом есть что-то трагическое и святотатственное.**

Это все равно что быть Богом». Мысль, которую давно понял «безымянный художник», так и осталась непонятой среди людей, называющих себя мастерами изобразительного искусства.

Чем больше мы узнаём о местной творческой «интеллигенции», тем явственнее становится контраст между ней и «человеком без имени». Автор вообще довольно часто прибегает к антитезе, противопоставляя прекрасное и безобразное, низкое и высокое, сравнивая несравнимые, казалось бы, вещи: бездомный, к примеру «думал о смерти, как о чём-то прекрасном», а Удищев был очарован «великолепным безобразием» Шамары.

Удищеву, к слову, можно противопоставить его супругу, Светлану Петровну. Добрая, чуткая, внимательная женщина, стараниями которой бездомный и не был брошен на произвол судьбы после аварии, с пониманием относится к занятости своего мужа, к его холодности и даже грубости. Она усвоила, что «гений и лапша несовместимы», и уже привыкла к такой жизни, в которой (понимала она это или нет) отсутствовала настоящая красота, настоящие чувства. Со временем, разглядев доброту, искренность в глазах «безымянного художника», она против собственной воли почувствовала, что влюбляется в этого человека. Неудивительно, что именно ни на кого не похожая, сохранившая чистоту души Светлана была тем позабытым прошлым, которое так хотел обрести «безымянный художник». В начале повести читатель не мог предположить, что этот ничем не примечательный оборванец таит в себе столько удивительного, способен так глубоко размышлять о божественном начале всего сущего, одарён «взглядом ребёнка и рукой мастера», позволяющими изображать мир в его удивительной красоте.

В этом конфликте вместилища и содержимого заключается ключевая проблема повести. Обеспеченные, с иголки одетые интеллигенты не могли привнести в мир ничего, кроме своего пустословия, пересудов и зависти, а «человек без имени» не был ни строен, ни высок, ни красив. Но он был светел». Прекрасного нет там, где человек ожидает его найти, Бога нет в церкви, где служат трясущиеся за своё богатство батюшки, любви нет в семье, кажущейся со стороны идеальной. Быть настоящим живым человеком, а не казаться им, в повести может только человек без имени, не имеющий никаких средств к существованию и при этом несравнимо более богатый духовно, чем кто бы то ни было другой.

Вспомнив прошлое, бродяга наконец обретает покой, понимает, для чего был рождён. Что же стало с художниками? Пышущие здоровьем, разъезжающие по городу на дорогих машинах, складывающие в стопки гонорары за очередные посредственно написанные картины, они, казалось бы, живут полной жизнью. Но живы ли они духовно? Ответ на этот вопрос Николай Верёвочкин оставляет на волю читателя.

